

Арест Ант

КАК СТАТЬ КОНТРАБАНДИСТОМ

СУД

4

Арест Ант

**Как стать
контрабандистом. 4. Суд**

«Selfpub.ru»

2017

Ант А.

Как стать контрабандистом. 4. Суд / А. Ант — «Selfpub.ru»,
2017

Суд - это когда за тебя решается твоя судьба на долгие годы. Хочется увидеть только честных и порядочных людей, облеченных властью.

КАК СТАТЬ КОНТРАБАНДИСТОМ суд

*Все основано на реальных событиях и официальных документах.
Любые совпадения мотивации и поведения основных фигурантов
этого дела вполне закономерно в рамках печально знаменитой
статьи 29-2 УК Республики Финляндии.*

*Nolite judicare et non judicabimini
Не судите, да не судимы будете*

В Коннунсуо меня сразу отделили от дорожных попутчиков. Те философски проходили углублённый шмон, а потом неспешно перетекали в «отстойник» под нервные покрикивания вертухаев. Я, приткнувшись в уголке, терпеливо дочитывал захваченный из Миккели разухабистый боевик в формате *rocketbook* и мучился только одним, но зато совершенно зверским желанием выкурить сигарету. Четыре часа без никотина раздражали больше, чем вся эта очередная тягомотина. Смена попалась совсем неопытная, что компенсировала повышенным рвением. Они все вместе медленно выворачивали шмотки, а только затем приступали к владельцу. Добротню общупанный счастливчик получал охапку своих растерзанных вещей и индивидуально конвоировался в нижний «отстойник».

На последнем возникла заминка. Из его сумки вертухаи достали два рулона туалетной бумаги. Это даже меня проняло. Проблем с ней я пока ни разу не ощутил, да и вообще замечал только слишком очевидный переизбыток. Вот уж чего везде по тюрьмам рассовано, так это разнообразных подтирочных материалов. Финляндия, как истинное место объединённой *Европоны* была, есть и ещё долго будет крупнейшим производителем туалетной бумаги на континенте¹.

Хищно усмехаясь, вертухай пододвинул к себе мусорное ведро и стал медленно разворачивать рулон, следя, чтобы бумажный хвост не вываливался на пол. Все вертухаи момен-

тально остановились и стали напряжённо наблюдать за процессом. Меня это заинтересовало не меньше их. Слишком живо это напомнило мои незащитные рулоны российской бумаги, зверски раздраченной местными таможенниками.

Некоторая растерянность мелькнула на лице вертухая, когда бумага закончилась. Он повертел в руках картонную гильзу, надорвал, а потом смял для верности. Подумал и решительно взялся за второй рулон.

Напряжение нарастало. Он теперь изменил тактику. Иногда прекращал монотонную работу и тщательно принохивался. Напряжённо размышлял... и продолжал разматывать дальше.

Это немедленно натолкнуло меня на многообещающий эксперимент. Может, сам не успею, но хоть подскажу кому следует. Всё просто, как всякое передовое. Надо вот также до половины размотать рулон, хорошенько использовать метра три по назначению, а потом аккуратно завернуть назад. Пусть вертухаи порадуются добыче. *Кто ищет, тот дерьмо найдёт*. Я мстительно оскалился, что не осталось незамеченным остальными вертухаями. Да и плевать. У меня здесь только короткий транзит. Хотя, как ни крути, голова всегда в ответе за то, куда потом влипнет задница.

Особо умный вертухай закончил свои исследования и с силой зашвырнул пустую картонку в мусорное ведро, слегка придавив распухшую кучу девственно чистой туалетной бумаги. Все три вертухая моментально потеряли интерес к странному чистюле и повернулись ко мне.

– *А нам не страшен ни кал девятый...* – промурлыкал я, снимая куртку и вытягивая ремень из джинсов.

Меня пару раз прогнали через металлодетектор, а потом долго лапали, вращая как бессловесный манекен. Точнее, иногда довольно чувствительно тыкали в спину, малоубедительно прикрываясь обыском. Но тут всё по делу, без обид. Нечего было рожи корчить.

Наконец, уgomонились. Слегка помятый, я бросил вопросительный взгляд на свои так и не тронутые пакеты. Один из вертухаев полистал мой разбухший «Паспорт заключённого» и резко выдохнул:

– Вещи остаются здесь. Вы без них следуете в камеру.

Спорить сейчас явно бесполезно. Я взялся за ремень, как сзади раздался очередной рык:

– Книгу!

Неужели выкинут? Хотя даже радуется, что не успею дочитать до конца этот горячечный маразм. Я протянул вертухаю *pocketbook*. Он перевернул книжку корешком вверх, полусогнул и резко отпустил, придерживая за один край пальцем. Страницы громко зашелестели, но на пол ничего не выпало. Он пару раз повторил, а потом, поняв бессмысленность такого занятия, сделал вид, что заинтересовался ярким рисунком на обложке. Там, под массивным артиллерийским обстрелом, бежал стероидный дебил со зверским оскалом, весь обвешанный устрашающим оружием, но при этом с одним ножом в руке.

– Это кто?

– Рембо-рус. *Одним махом Abrams убиваю*.

– Кто?

– *Russian special forces*.

– *Strictly forbidden book!* (*Строго запрещенная книга*).

– *Не надорвись, копируя*, – почти неслышно выдавил я, затягивая ремень, – *Пупок развяжется*.

Вертухай вроде слегка, но очень болезненно пихнул меня в бок, будто показывая направление. Покачнувшись, я двинулся вперёд по неоднократно хоженному маршруту. Вер-

тухай только перед дверью соизволил меня обогнать и приступить к своим швейцарским обязанностям *открыл-пропустил-закрыл*.

Пока больше заботило то, что я остался без кофеварки и без всех своих припасов. В кармане, задевая зажигалку, уныло звякала жестяная коробка из-под сигарилл *Hofnar*, которую я позаимствовал у Сулева. В ней должно быть не меньше 10-12 самокруток. Не фонтан, но зато накуриться можно сразу. До утра хватит. А потом?

Вертухай затормозил возле камеры. Я поднял глаза и увидел знакомый номер 266. Повезло? Или меня за ней персонально закрепили?

Чертыхаясь, вертухай с тремя ошибками написал мою фамилию мелом на дверной табличке. Перечитал и чертыхнулся значительно громче. Рукой стёр написанное и стал выводить каждую букву, сверяясь с листком.

– *Могли бы к моему приезду уже и гранитную мемориалку присобачить*, – сообщил я ему в спину, – *Со специальной такой держалкой для цветов*.

Вертухай меня проигнорировал, пару раз заново проверил свой труд, а только потом отошёл, пропуская внутрь. Свою досаду он выместил на двери. Под её грохот я засунул в рот сигарету и с наслаждением сделал первую затяжку. Плевать на негостеприимную смену, но тут точно райский комфорт. Начнём обживать и наслаждаться. Унитаз ещё не разбит, кофеварка заляпана, но работает.

– *Миньеточку!* – я несколько растерянно посмотрел на кровать, – *А где моё чистенькое постельное бельё?*

Закурив вторую сигарету, я внимательно обследовал камеру. Негоже вертухаев раз за разом по мелочам гонять. Им надо вывалить сразу все проблемы для придания ускорения хоть на одно действие. Я машинально щёлкнул выключателем. Раздался хлопок и лампа, мигнув напоследок, погасла. Вот и вторая халтурка приплюсовалась.

За пару минут я трижды проверил работу унитаза. Туалетной бумаги столько, что хоть «Войну и мир» из себя выдави, всё равно на продолжение останется. Даже начатый рулон бумажных полотенец присутствует. Пришлось перейти к водопроводу, но и тут придраться не к чему. И холодная, и горячая вода исправно вытекают. Видно придётся свои права начинать качать с мелочей.

Я решительно подошёл к интеркому и с несказанным наслаждением утопил кнопку вызова. *Так бы в глаз некоторым ткнуть*. Из динамика долго неслись странные шорохи, а потом прорезался искажённый голос:

– *What? (Что?)*

– Проблемы. Нет постельного белья. Лампа не работает, – тут спина напомнила, что уже наступил вечер, – До сих пор не получил свои дневные таблетки... да, и все мои вещи отобрали.

– *What did you say? (Что ты сказал?)*

Я ругнулся, но очень медленно и вятно повторил весь перечень.

– *Sit and wait (сиди и жди)*, – интерком отключился.

– А с какого баклажана... я могу куда-то деться? – огрызнулся я безмолвной панели, но больше для остротки.

Через час я понял, что если сейчас ничего не предпринять, то про меня ещё долго никто вспомнит. Нужен хороший такой повод. Убедительный. Боязнь темноты? Сомнительно, но попытаться стоит. А раз будет озвучен весомый стимул, то медлительные финны вполне дадут фору некоторым орловским рысакам. Как у нас называется боязнь темноты? Там заумные лекаря этих фобий напридумывали столько, что сам чёрт ногу сломит. Клаустрофобия? Нет, это боязнь замкнутого пространства. Кайрофобия? Кажется, это страх оказаться в незнакомом месте. Эти фобии может и могли *проканать* в первый день, но никак не в сотый с хвостиком.

Как там, на славной латыни будет слово «тёмный»? Если Гумилёв и тут не соврал, то *обскурация*². Вроде так он обозначил трагическую утерю фиктивной *пассионарности*. Лады, значит, для моего случая получаем *обскурофобию*. Хрень какая-то. Такого названия я точно никогда не встречал, хотя про боязнь темноты когда-то давно читал. На языке название вертится, но никак не ухватить. Да и как вообще я такой заумный бред внятно сумею растолковать вертухаю? В темноте буду сам себя душить, а на свету радостно лопотать и подпрыгивать? Как бы в карцер не загреметь на излечение.

Тут раздалися шаги по коридору и остановились у моей двери. Я присел на кровать и вытянул вперёд руки. Света от уличного фонаря должно хватить, чтобы вертухай в глазок смог меня разглядеть и от страха не начать дёргаться. Точно. Он долго сопел у двери, прежде чем открыть. Дверь толкнул осторожно, без всякого желания зайти. В камеру ворвался узкий клин яркого света из коридора.

– *Скотофобия!* Вспомнил! Точно скотофобия! – я от нахлынувшей радости хлопнул себя по коленям и гордо добавил, – А также *никтофобия!* Специально же запоминал, что «*под солнцем никто не скот*».

Вертухай всё же дёрнулся, но сдержался и медленно процедил:

– *What does it mean? (Что это значит?)*.

– *I am fearing the darkness... very greatly (Боюсь темноты... очень-очень)*, – по инерции сболтнул я, уже понимая всю очевидную глупость сказанного, да при этом ещё подавляя неудержимо рвущийся наружу смех. Присмотревшись к озадаченному вертухаю, я совершенно отчётливо понял, что тут требуется исключительно простое и краткое разъяснение, – *No light! Too uncomfortable! (Света нет! Слишком неудобно)* – и тут я вспомнил совершенно тупой анекдот в тему: «Лампа горела, но света не давала. Штирлиц потушил лампу и Света дала». Пришлось срочно сесть на кровать и забулькать, заглушая гнусное хихиканье.

Вертухай покачал головой, сделал шаг в камеру и пару раз щёлкнул выключателем.

– *Out of operation (не работаем)*, – после долгого раздумья вынес он свой глубокомысленный вердикт и преспокойно удалился.

Ещё час я ждал продолжения, медленно, но верно наливаясь уже вполне обоснованной злобой. Потом не выдержал и стал давить на кнопку интеркома, выбивая SOS. *Три коротких – три длинных – три коротких*.

– *What? (Что?)*

– *Some virgin paper and pen, please! (Немного чистой бумаги и ручку, пожалуйста)*.

– *What for? (Зачем?)*.

– *What for? Потому, что мухомор!* – рявкнул я, уже не сдерживаясь, – *Заяву Ивану нака-таю... I'll make a complaint to your boss about these disorders. (Я направлю жалобу Вашему боссу об этих беспорядках)*.

– *I didn't get it! (А я её не получал)!*

Интерком издал невнятный хрип и отрубился.

Не успел я набеситься, как раздалися гулкие шаги по коридору. Явно пара, а то и тройка сторожевых псов сорвалась с насиженных мест. На всякий случай я отодвинулся поближе к окну, а то эти и покусать могут.

Дверь распахнулась, и явила невероятное зрелище вертухая со стремянкой в руке и запасной лампой под мышкой. За ним замаячил второй вертухай со всеми моими паке-тами, а дальше переминалась ещё парочка потревоженных бездельников. Это непродуман-ное построение моментально создало в камере пробку. Стремянка, упираясь в стол, просто не оставляла никакого прохода.

Я затаился, боясь спугнуть такое зрелище. Просто бесплатный фильм ужасов про казарменный интеллект. Освещённый коридор, как экран в маленьком кинотеатре, а на нём застыли растерянные вурдалаки, вынюхивающие свою жертву.

Жаль, но долго это не продлилось. Дала себя знать знаменитая финская смекалка. Первый со скрипом раздвинул стремянку и полез к потолку.

— *«Да будет свет, — сказал электрик, засунув в жопу провода»*, — как бы невзначай сообщил я ему такой безбожный, но пока никем не опровергнутый детский совет.

Второй с сомнением посмотрел на щель между стремянкой и стенкой. Даже сделал движение головой, будто примериваясь, сумеет ли она там пройти.

— *Давай-давай*, — азартно подзадорил я его, стараясь, чтобы только не вышло слишком громко, — *С прижатыми ушами точно пролезешь! Дерзай, служивый*.

Недобро покосившись на меня, вертухай поставил пакеты на пол и выскочил из камеры. Неужели полиглот? Хотя для его пятидесятого размера головы весьма сомнительно. А уж если вычесть волосы и толстый череп, то вообще странно, что он до сих пор на двух ногах передвигается. Явно там всё на рефлексах завязано.

Поблямкав, помигала, а потом ровно засветила лампа.

— *Thank you, (Спасибо)* — поблагодарил я.

Вертухай не удостоил меня ответом и сложил стремянку. Пятясь задом, он наступил на один из моих пакетов. Ни хруста, ни звона разбитого стекла не последовало.

— *Thank you very much, (Большое спасибо)* — поблагодарил я его снова. Теперь уже почти искренне.

— *Medicine*, — под посторонние хрипы сообщили из коридора.

Я встал и, осторожно лавируя между пакетами, подошёл к двери. Один из этой парочки был смутно знаком. На всякий случай я кивнул и улыбнулся. Он хмыкнул и протянул мне стаканчик с таблетками:

— Русские книги нужны?

— Очень.

— Сейчас соберу.

Они проследили, что я полностью проглотил таблетки, и только потом слегка прикрыли дверь.

Знакомый вертухай вернулся буквально через несколько минут. Он сначала сунул мне небольшую стопку книг, а потом постельное бельё. Немного помялся, но спросил:

— Когда суд?

— В пятницу утром.

— Да, и вот ещё что... *тюрьма не место для улыбок*.

— Учту. Спасибо.

— Здесь очень опасно. Особенно для некоторых... — он задумался, но уточнять не стал.

— *All prisoners are equal, but only guards are more equal than others*, — задумчиво перефразировал я великий жизненный постулат, очень надеясь, что он будет тут уместен, — *Все заключённые равны, но только охранники равнее других*.

Вертухай укоризненно покачал головой и решительно захлопнул дверь.

— И вообще, я не такой как все. Даже значительно больше себе нравлюсь, — но это высказывание было мной сделано исключительно для очистки совести.

Я допивал вторую чашку чая, когда блуждающий взгляд затормозил на свежей карандашной надписи, сделанной над столом. Опять наши русские люди развлекались матерной загадкой о местном паравосудии. Пришлось почесать ухо прежде чем в голову пришёл правильный ответ. И почему нас с детства всякой фигне учат³? И это навело на вполне здравую мысль. До предварительного слушания ещё два полных дня. Книги я уже все ещё раньше перечитал, и пока нет никакого особого желания вызубривать их на радость авторам. Значит, попробуем систематизировать накопленные впечатления и оставить их как правильный ответ мечтателям о человеческой справедливости. Вытащил из пакета и сложил вме-

сте несколько чистых листов бумаги и покосился на оставшуюся там авторучку. Вздыхнул и приступил...

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА

подготовки и ведения судопроизводства
в уездном городе L.

Сторона государственного обвинения выбирается только из наиболее достойных местных кадров. Их выводы и аргументы всегда исключительно взвешены и не требуют никаких дополнительных доказательств, а истинность и объективность им достаточно гарантировать своим честным словом.

Каждый ответчик, особенно иностранный, изначально виновен. Любые сомнения в обратном служат неоспоримым подтверждением, что вскрыты далеко не все эпизоды его преступной деятельности, а сами истоки криминальных наклонностей скрыты в недемократическом прошлом. При полном отсутствии доказательств следует незамедлительно переводить таких подозреваемых в разряд особо опасных преступников, специально подготовленных соседним диктаторским режимом, никак не обозначенным здесь из соображений государственной безопасности.

Ввести выборочную мотивацию, ускоряющую замену недобросовестных наёмных адвокатов исключительно надёжными и высококвалифицированными государственными защитниками. Это решит проблему занятости в регионе и послужит делу дальнейшего торжества демократического правосудия, неуклонно подтверждающую изначальную правоту обвинения.

Доводы и доказательства со стороны ответчиков направлены только на бесконечное затягивание рассматриваемых дел в безуспешных попытках воспрепятствовать честному и беспристрастному вершению правосудия. Все аргументы ответчика должны приниматься исключительно в письменном виде для последующего умеренного архивирования.

Примечание. Каждый раз доводить до сведения ответчиков, что использование скрепок и иных инородных предметов категорически запрещено муниципальными службами, отвечающими за сбор и утилизацию вторичного сырья.

Обвинительные приговоры не должны отличаться от требований прокуроров, представляющих исключительно интересы государства, кроме случаев ужесточения наказаний, в назидание адвокатам ответчика за их бесцельную и бесполезную активность.

Обвинительные приговоры обязаны включать в себя максимально возможное количество инкриминируемых злодеяний с общими формулировками, без всяких привязок к месту, времени и совершённым деяниям. Все ссылки на законы давать однозначно сводно и только в специальном приложении, удобным нарастающим порядком, для снижения потока беспредметных и недобросовестных апелляций.

Средства, сэкономленные на недобросовестных адвокатах ответчиков, направлять на постоянное лоббирование новой прогрессивной и экологической программы ведения судопроизводства «Честный дуплет». Только конвейерное рассмотрение дел с участием наиболее заслуженных судей и прокуроров позволит ускорить все процедуры и, избежать ненужной

бюрократической волокиты при вынесении справедливых наказаний на основании фактов, отмеченных чрезвычайно высокой степенью достоверности.

Завершение каждого вербального судебного заседания «Честный дуплет» позволит сохранить до 15 деревьев ценных хвойных пород, достигших плодоносящего возраста. Это позиционирует наш уездный город L. как мировой центр экологических инноваций, обладающий неиссякаемым источником дешёвой рабочей силы, которые в перспективе станут значительно профессиональнее и дешевле иных азиатских предложений.

– Не дай Бог столкнуться наяву, – произнёс я, перечитав написанное, – Эк меня попёрло в пессимистическом угаре.

Через пару дней все эти пункты будут решительно опровергнуты жизнью, а я полностью посрамлён. Придётся ручьём лить горькие слёзы раскаяния по дороге домой, а все мои зарождающиеся преступные наклонности станут выходить исключительно через правильный, хоть и задний проход.

И я никогда даже всуе больше не помяну болтливого Энгельса с его нелепым пророчеством⁴.

Пересып закончился только перед самым обедом. Завтрак так и остался нетронутым, а утренние таблетки я удавчиком заглотил, даже не открывая глаз и, кажется, не запивая. Рефлекс уже наработан.

Тут, в «*Конской случке*», вообще полная лафа. Никакого тебе гомона, топота или грохота засовов. Да и навязчивый запах созревшей параша не толкает на немедленные активные действия.

Готовиться к суду всё равно сейчас бессмысленно, но привести себя в товарный вид необходимо. Верховодить будет какой-никакой, а *бабец* с перспективой служебного роста. Я подошёл к зеркалу и вздохнул.

– ... *острижен по последней моде, как dandy лондонский одет, и, наконец, увидел свет*⁵, – передразнил я свое изображение.

Эта опухшая рожа с криво подстриженными усами и разбойничьей бородёнкой никак не тянула на ошибочно обвинённого добропорядочного джентльмена из приличного общества. Осталось только покрасить зелёнкой глаза и губы, чтобы в *Halloween* пугать нервных нетрадиционалов до полной переориентации. Главное, чтобы только потом мне лоб этой зелёнкой не намазали. За весёлые шалости.

– Как там педрилы баки забивают? *Лучше быть молодым голубым, чем жизнью умудрённым, но вечно зелёным*, – прикинул я, но не вдохновился. Никак не тянет даже мысленно переквалифицироваться в *толчкового ассенизатора*. Вообще это слово только для россиян придумали. У бриттов это *cesspool cleaner* – чистильщик выгребной ямы или *nightman*, что подразумевает работу под покровом ночи, что также подходит для ночных сторожей и ночных воров. А название такой нужной профессии, только у нас начинается через задницу⁶. Или остальное тоже так?

Вопрос с помывкой решился моментально. Не успел я заикнуться об этом вертухаям, принёсшим мне поднос с обедом, как они предложили посетить сауну хоть сегодня, хоть завтра. Только в предвечернее время, когда она уже будет свободна, но ещё не совсем остыла. Я сразу застолбил обе возможности. Немного насторожило только то, с какой поспешностью они согласились. Однако, спишем это на их доброту и хорошее настроение.

В ожидании прогулки я долго простоял у окна, радуясь по-весеннему тёплому солнышку. Надеюсь, что первый загар будет не в полоску. Такие дополнительные штрихи к уже

имеющемуся портрету совсем ни к чему. От благостных рассуждений меня отвлек несуразный коротышка, который объявился в сопровождении вертухая. Он суетливо сунул мне толстенную пачку бумаг, а потом стал тыкать в отдельный листок. Не удовлетворившись, он на нём начал выводить пальцем кривые линии.

– Да понял, понял. Только авторучку возьму. Тоже мне, доставка типа с *понтом мимо пробежал*.

Я небрежно кинул бумаги на стол, забрал листок у так и не успокоившегося субъекта, и поставил размашистую подпись. Тот довольно осклабился и ретировался.

Ох, как истово любят здесь изводить бумагу по любым пустякам. Просто какая-то нездоровая страсть, доставшаяся от немцев. Ну, и что подкинули на сей раз? Так... это прокурор решил отметиться. За два дня до суда он соизволил прислать мне все пункты своего обвинительного заключения. Типа готовьтесь, дорогой товарищ, свободного времени для изучения у вас вполне достаточно. Мало ему моего адвоката напрягать. Решил и меня порадовать.

Смачно выругавшись, я сделал себе крепкого чаю и решил выкинуть суд из головы. Для этих целей пусть у Тони извилины напрягаются. А уж что они умного разродят, время покажет. Будем ли мы вместе трясти государство на деньги или только свои кровные спустим на ветер. Да и вообще... что будет, то будет. Потери теперь меня ждут при любом раскладе. И это при том, что и так эти красивые бумажки с каждым годом надо зарабатывать всё большее и больше, а они упрямо дешевеют, не успев попасть в руки⁷.

Как я не отвлекался, но два последующих дня все мысли постоянно упирались в суд. Свихнуться можно от толпящихся в голове язвительных реплик. Осталось только дожидаться их применения и надеяться на приличную квалификацию переводчика, который из рвения не станет меня особо проверять ради своих туманных служебных интересов.

Зато к 7:30 утра пятницы 13-го марта 2009 года я был до скрипа отмыт, максимально старательно подстрижен своими детскими ножницами и убеждал себя держаться решительно, но сохранять некоторые остатки достоинства.

Заглянул знакомый вертухай и со значением сообщил:

– Соберите все свои вещи и сдайте постельное бельё.

Это вызвало у меня такой прилив давно забытой активности, что за пять минут я всё собрал и зачистил, носясь метеором по камере. Потом резко остановился и хлопнул себя по лбу. И тут я впервые за долгие годы искренне восхитился этим маленьким кавказским забиякой⁸!

Но есть и божий суд, наперсники разврата!

Есть грозный суд: он ждет;

Он не доступен звону злата,

И мысли, и дела он знает наперед.

Нет, ну это просто перст Судьбы и ждёт меня дальняя дорога! Тут я торопливо трижды переплюнул через левое плечо. Уже некоторые докаркались:

Цыганка с картами, дорога дальняя,

Дорога дальняя, казенный дом...

Быть может, старая тюрьма Центральная

Меня, несчастного, по новой ждет.⁹

Ну их, с этими приметами. Тут и «Защита от тёмных искусств» не поможет со всеми *покедаврить*. Вообще всё странно. У нормальных людей перед смертью вся жизнь перед взором проходит, а у меня какие-то невнятные обрывки чужих творений. Да и то весьма сомнительного содержания.

Вниз я спустился в полном раздрае. Поочерёдно и без всякой системы то захлёстывало предвкушение близкой свободы, то накатывал врождённый скептицизм, вызывая прилив мрачных прогнозов.

Вертухаи, столпившиеся возле своей будки, только указали на угол перед выходом. Вдогонку донеслось:

– *No crack down today. (Сегодня шмона не будет).*

Тоже хороший знак, раз перестал быть им интересным. Видно выработан правильный нюх у вертухаев.

Не успел я порадоваться, как распахнулась дверь, и ворвался молодой гладковыбритый толстомордый полицейский. Он решительно двинул к вертухам и углубился в переданные ему бумаги. Потом задрал подбородок и стал подозрительно меня осматривать.

Печально вздохнув, я также принялся внимательно изучать носки своих кроссовок. Ну, почему при таком позитивном раскладе на горизонте всегда появится очередной *Жопец* (*Женоподобный Отвратительный хлоПЕЦ*), горящий неистребимым желанием наглухо скрасить человеку радость? Не сделать её более приятной, а целенаправленно и вдумчиво загасить, до отвала нагавив в душу. Вот и тут. Вымахал кабанчик под два метра, корма раскормлена покруче будки, а всё скреплено мощным пластом брюха. При этом *бройлер* явно не достиг своей первой четверти жизни. Нет никакого весового предела такому беспределу.

Как в лужу плюнул. *Жопец* совершил обзорный полукруг, примерился и сделал вращательное движение указательным пальцем. Вздохнув ещё печальнее, я повернулся к стене и упёрся руками в стену. Слегка раздвинул ноги. Моментально руки были подёрнуты выше вверх, а по кроссовкам дважды глухо шарахнул казённый ботинок. Ноги послушно разъехались.

Дальше началась процедура *массажного обыска*, когда вместе с тканью, особенно на швах, как бы невзначай прихватываются кусочки кожи. На руках эти невинные художества переносятся вполне нормально, на теле тоже можно терпеть, но вот мошонка, зараза, реагирует весьма болезненно. Если сильно дёрнешься, то можно тут же локтем в бок огрести, а если стерпишь, то полицай, неудовлетворенный произведённым обыском, может напоследок резко провести ладонями снизу-вверх по внутренней стороне бёдер... и слегка не рассчитать дистанции своего размаха.

Местные вертухаи этого себе особо не позволяют, а вот пришлые *силопцы* в таких ситуациях иногда душу отводят. Как разрядку для своих тяжёлых патрульных будней. Лучше бы водку от нервов пили, кобельки легавые, а не на бессловесных *брёвнах в своих подлянках* тренировались.

Рывком повернув меня к себе, *Жопец* уставился мне в глаза и при этом демонстративно опустил руку на рукоять пистолета.

Интересно, кем он себя сейчас возомнил? Не хватает только заключительной *коронки*.

– *Let's rock (давай встряхнёмся)*, – угрожающе прошипел он и перевёл выразительный взгляд на наручники, выпирающие из кожаного чехольчика, прикреплённого к его поясному ремню.

«Дождался. Лучшие уж *get cop's rocks off* (оторвать легавые яйца). Что у него? Гормоны бушуют, тёлка опять не дала, жрать вечно хочется, а до конца смены как до Норвегии», – последовательно промелькнуло в моей голове и закончилось злорадным, – «А морду набить некому. Вот и быкует».

Жопец, наконец, отклеился от меня и стал оценивать мои пакеты.

– Здесь документы для суда, – моментально уловил я нависшую опасность, – Без них мне никак нельзя.

Он скривился, но указанный пакет оставил, а остальные легко подхватил и поволок к выходу. Я оглянулся на развлекавшихся вертухаев, сделал им на прощание ручкой и поспешил за полицаем. Догнал я его в тот момент, когда он, отодвинув дверцу, небрежно скинул мои пакеты в салон.

– *Долбанный бабай*, – прошипел я сквозь зубы, но громко комментировать не стал. Обойдётся, гад, сегодня без развлечения.

Залезая в задний отсек машины, я рассуждал о навалившейся непрухе. Могли бы и нормальный наряд прислать, раз такое крупное дело захимичили. Так нет, отправили парочку передроченных салабонов. Да и *в лом* уважающему себя легавому весь день дурак-дураком торчать в зале суда. Правильные *клоны* только под гарантированный приезд телевизионщиков появляются.

Жонец сел к водителю и моментально радостно заржал. Тот подхватил и, показывая свою невероятную крутизну, резко рванул с места. Я не удержался, ударился плечом об решётку на дверце, и от души выругался. Но настроение не улучшилось.

Ах, это хмурое утро 13 марта 2009 года! Интересно, с подвохом или нет, назначили сегодняшние судебные слушания? День уж больно мистический¹⁰.

Полицейский микроавтобус бодро катил по подмёрзшей за ночь дороге. Сплошные ледяные кочки. Меня подбрасывало на жёсткой скамейке не хуже чем на телеге. Машина резко притормозила и немного проехала юзом. Отлепляясь от окошка в переборке, я заметил странную картину. Недалеко от крутого поворота дороги в сугробах стояли танки! Настоящие.

Я несколько раз моргнул, прогоняя наваждение, но танки никуда не делись. И куда меня завезли? Решили долго не мучить, а просто предать военно-полевому суду и тут же привести приговор в исполнение? Мишень на танкодроме с проверкой качества приготовления гусеничного фарша?

Буквально через пару минут машина, покрутившись за домами, остановилась. Хлопнули дверцы и слышались приближающиеся шаги. Щёлкнул замок. *Жонец* откинул одну створку и сделал приглашающий знак рукой. Я осторожно спустился на землю и прищурил глаза. Машина стояла уткнувшись в какой-то полутупик у вполне себе монументального здания.

– *What is this? (Что это?)*

– *Our Army Academy (Наша армейская академия)*, – в его голосе было неприкрытое злорадство.

Блин, таможенники меня что, действительно втихаря спихнули местным воякам? Додумать эту мысль мне не удалось, так как *Жонец* поглядел на часы и стал подниматься на высокое крыльцо, а сзади, отрезая мне путь, встал второй полицейский. Как-то всё хреноватее и хреноватее это выглядит.

По узкому коридору меня подвели к двери без всяких табличек. *Жонец* своим ключом открыл дверь, заглянул внутрь и посторонился. Я с трудом протиснулся, стараясь не зацепить его угловатым пакетом, и ввалился внутрь.

Маленькая чистенькая комната, единственным украшением которой являлась гладко струганная деревянная скамья. Просто парилка в сауне. Только холодно и каменки не хватает.

– *No smoking!* – строго сообщил *Жонец* и закрыл дверь.

Я покрутил головой и заметил анализатор дыма, укрепленный под потолком. Значит, покурить, точно не получится.

И что вся эта чертовщина означает?

Ждать пришлось недолго. Негромко, совсем по-домашнему, звякнул замок. *Жопец* приоткрыл дверь и приложил палец к губам. Потом махнул головой в сторону коридора.

Ну вот, теперь сплошная таинственность пошла. Ещё бы глаза завязали, и мешок на голову натянули, конспираторы. Я пристроился за его спиной и постарался попасть в шаг. Всё какое-то занятие.

Жопец остановился у не приметной двери и уставился на панель с тремя лампочками. Горела жёлтая. Из динамика раздался неразборчивый хрип и мигнул зелёный огонёк. *Жопец* медленно открыл дверь и зашипел:

– *Go, go!*

– *Haste makes waste (Поспешишь – людей насмешишь)*, – отмахнулся я, оттягивая неизбежное.

У меня весь организм вопил благим матом, что нечего туда соваться и точка. А своей интуиции я привык доверять. Но тут вступил в дело *Жопец*. Он упёрся кулаком мне в спину и медленно вдавил меня вместе с собой внутрь, одновременно закрывая за собой дверь.

– *Да и ... с вами*, – выдохнул я и сделал самостоятельный шаг.

Узкий проход между стеной и монументальной кафедрой, за которой располагались места для судей, вывел в обширный зал. Я на секунду остановился, осматриваясь. Увидел Тони, который приподнял руку, и направился в том направлении.

Расстановка вполне привычная. Напротив судейской кафедры, стоящей на возвышении, установлены четыре стола. Два для обвинения и два для защиты. За ними, на некотором удалении, на приставных стульях, плотно уставленных в два ряда, сидела вполне приличная группа человек в тридцать. Но явно не таможенников. В основном очень молодые и почти все с блокнотами наизготовку. Голодных до крови журналюг накормить решили?

Перпендикулярно двум столам защиты выделено место для прокурора и рядом с ним что-то вроде трибуны, заставленной аппаратурой. С другой стороны небольшой пустой стол с микрофоном. Это точно для свидетелей.

Одно радует, что на военный трибунал вроде никак не тянет.

Тони указал мне на свободный стул за соседним столом. Я присел рядом с пожилой женщиной.

– Здравствуйте. Вы будете сегодня переводить?

– Доброе утро, – несколько напряжённо ответила она, – Судья сказала, что это будет очень трудное криминальное дело.

– Мне уже об этом доложили, – я постарался снисходительно улыбнуться, но вышло криво и не особо достоверно.

Одно в плюсах, что сегодня с переводчицей повезло. Акцента вообще никакого. Насторожена, но это вполне объяснимо. Мне такое с утра зеркало предсказало. Теперь разберёмся с Тони.

– Как дела? – и тут только я заметил своего сына, который сидел рядом с ним и сосредоточенно перебирал разномастные бумажки.

Тони мелко покивал головой, молча поднял вверх большой палец и тут же стал читать протянутый сыном документ.

Так, намёк ясен. Значит, посмотрим диспозицию.

Сына было трудно узнать. Я впервые увидел его причёсанным, в приличном костюме-тройке, да ещё и при галстук в тон. Что-то совсем невероятное. Это вам не вечно растянутые свитера и невероятно жёванные джинсы. Неужели и ботинки обул? Я опустил глаза и

обнаружил агрессивные зимние кроссовки-гавнодавы, которыми он упирался в свой любимый рюкзак. Хотя в чём-то, но остался верен себе. *Ботан на городской свадьбе*. Но прогресс очевиден.

Судьи пока нет, только в уголке приткнулась затюканная секретарша с компьютером. *Кадаврик* видно опять с изжогой или с лимоном на завтрак переборщил. У этого прокурора точно будет век недолог. *Язвой аукнутся кошке мышкины слёзки*.

Я бросил взгляд на два соседних стола. Там разбирал многочисленные зелёные тома с законами полный адвокат из таможни. Этого борова я помню. Умная сволочь. Радует, что хоть сегодня он припёрся в одиночку, без группы агрессивной поддержки.

– Вы не знаете, что это за публика? – спросил я переводчицу, указывая пальцем назад.

– Некоторых знаю. Студенты с юридического. Судья у них лекции читает. Видно она их и пригласила.

– Теория и наглядная практика. Неужели она так уверена в себе?

– Она очень хорошая судья.

– Слышал, что её кандидатуру рассматривают для Верховного суда?

– Да, так говорят, – переводчица достала из своей сумки маленькую бутылочку минеральной воды и сделала глоток.

Я моментально позавидовал её предусмотрительности. О том, чтобы взять с собой воду у меня даже мысли не возникло. А зря, оказывается. Но хоть поговорить можно. Главное, что переводчица явно не из таможенных штатов.

– А что конкретно сегодня будут рассматривать?

– А вам разве не сказали?

– Нет.

– Сейчас найду материалы, которые мне прокурор прислал, – я вытащил все свои документы из пакета и положил их на стол. Подцепил прокурорские бумаги и передвинул их переводчице.

Ну вот. Теперь все делами заняты. Один я как последний лох остался глупо таращиться по сторонам. Надо себя тоже чем-нибудь занять. Я выровнял стопку документов и разложил авторучки строго параллельно краю стола. Подумал и изменил порядок. Теперь перпендикулярно. Потом разделил бумаги на стопки. Добился максимальной симметрии. Стал перекладывать авторучками для придания законченности. Комбинаторику что ли вспомнить?

Тут все зашевелились и встали. Ого, здесь уже всё по-взрослому. Я приподнялся и посмотрел на проход, через который меня ввели. Там появилась седая одутловатая женщина, которая уверенно прошла и села точно посередине за судейской кафедрой. За её спиной гуськом просеменили два невнятных мужичка с совсем уж древней старухой и уселись рядом с секретаршей.

– *Достойный антураж. Тут и свиноматка мудрой газелью покажется*, – подтвердил я себе первое впечатление, но решил окончательно удостовериться, – Извините, это судья в центре?

– Да. Разве это не заметно?

– Даже чересчур.

– Присяжные сидят в углу.

– Понятно.

Судья окинула холодным взглядом присутствующих, подогнула микрофон на нужную высоту, подождала пока засветился красный ободок, подтверждающий включение, прокашлялась, и стала читать с лежащего перед ней листа.

– Рассматривается дело R 09/265, – тут же включилась переводчица, – «Подлог бухгалтерии в особо крупных размерах».

– Не понял? А где контрабас?

– Не знаю. Вам переводить присутствующих?

– Нет.

– Хорошо, – она положила перед собой стопку линованной бумаги и стала аккуратно записывать фамилии и должности.

Я сосредоточился на судье. Ей явно очень далеко за полтинник. За собой следит, но совершенно недостаточно. Выглядит не меньше, чем на свой возраст, если уж сделать комплимент. Липоксация ей насущно необходима при таком образе жизни. Да и пегую ботву не мешало сначала нормально подравнять, а потом хорошенько подкрасить. Голос слишком высокий, а иногда вообще проскакивают визгливые нотки. Как по стеклу напильником. Скрытая истеричка что ли?

Судья сделала паузу и приподняла указательный палец. За моей спиной моментально стих негромкий шёпот. Студенты явно знакомы с характером своей наставницы.

– Пункты обвинения 1-10. Уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах, – слегка покачивая головой в такт словам, заговорила переводчица, – Обвиняемый импортировал сигареты с целью избежать уплаты обязательных налогов. Конфискованные сигареты не были задекларированы в таможене. За них не были уплачены налоги...

Тут вскочил Тони и громко запротестовал:

– В пунктах обвинения 1-3 грузы шли транзитом из Латвии через Эстонию и Финляндию. Грузом являлись строительные элементы, как и было указано в документах, а совсем не сигареты. Даже если бы в грузах были сигареты, то их транспортировка через Финляндию в третью страну не является преступлением, так как базовые документы ЕС, такие как «Акт об основании ЕС», гарантируют беспопышное и свободное передвижение товаров по территории содружества.

– Протестую, – подал голос прокурор.

– В пунктах обвинения 4-10 вопрос идет только о транзите грузов из России через Финляндию... в какую-то третью... пока никем не выясненную страну. Транзит не облагается ни налогом на добавленную стоимость ни табачным налогом. Во всех грузах, за исключением последнего непонятного груза, остановленного таможеней, не было сигарет, а только строительные элементы, как и было в своё время задекларировано на таможене.

Прокурор попытался что-то вставить, но был моментально подавлен мощным ором разошедшегося Тони:

– Так как вопрос идет о транзите, то максимум, что можно рассматривать, это подача неправильных сведений таможене как попытка избежать выплаты таможенной гарантии, что никак не является уклонением от оплаты налогов. Появление налогового долга не означает налогового преступления, как гласит решение Верховного Суда 2004:56. Налоговое преступление надо доказать отдельно произошедшим. Теперь попрошу обоснованно ответить на восемь базовых аргументов защиты, которые изложены в нашем процессуальном заявлении.

Судья не выдержала, подвинула к себе микрофон и взвизгнула. Явственно резануло по ушам. Но Тони не затих, а стал выступать ещё громче. Переводчица замолчала и только покачивала головой.

– Что за базар пошёл?

– Не могу понять, – он широко раскрытыми глазами продолжала смотреть на разворачивающуюся баталию.

Сзади стали доноситься азартные реплики. Студиусы учуяли надвигающийся раздрай. Они там что, и тотализатор заодно быстренько организовали? Тут очнулась переводчица:

– Тут такое дело. Ваш адвокат настаивает, что он ещё до суда сделал официальное процессуальное заявление, а судья категорически отказывается его рассматривать.

– А орать так зачем?

– Действительно странно. Знаете, что он утверждает?

– Даже не догадываюсь.

– Этот суд не может быть дееспособным, так как преступление произошло за границей.

– А мы сейчас где?

– Тут, – веско ответила она, – А сигареты, если они вообще были, вывезены через Бельгию, Данию или Швецию в какую-то невыясненную страну Европейского содружества. Они не были употреблены в Финляндии.

– Конечно. А что это меняет?

– Ваш адвокат утверждает, что согласно статье 52 таможенного закона речь идет о фактическом транзите. В самой Финляндии государство не имеет права требовать налоги, так как никакого уклонения просто не было. Их должен оплачивать конечный грузополучатель по месту реализации. И это проблема только его страны и его фискальных органов.

– Лихо. Они разобраться не могут, а я, понимаешь, в тюрьме всю зиму парюсь.

Неожиданно басовито подключился адвокат таможни:

– В соответствии с 202 параграфом Таможенного кодекса содружества 2913/92 долг перед таможей появляется сразу после того, как товары ввозятся в таможенную зону содружества и при этом товары декларируются неправильно.

Шума стало больше.

– *Как лебедь раком жуку*, – удовлетворённо констатировал я, но видно излишне громко.

– Что? – удивлённо спросила переводчица.

– Басня такая. Забытый эзопов жанр. *«Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет, и выйдет из него не дело, только мука»*¹¹.

Переводчица молча кивнула. Тут нам стало не до разговоров. Троица интеллигентных юристов окончательно распоясалась. Студенты сначала неуверенно, а потом всё громче стали подавать свои реплики, явно дробясь на враждующие группировки. Гвалт постепенно нарастал. Тут судья не выдержала и стала громко стучать молотком. В задних рядах моментально наступила тишина.

– Адвокатам сторон остаться, а остальным перерыв на 15 минут, – как-то задумчиво сообщила переводчица, – Интересное начало.

Я спохватился и поднял руку. Судья бросила на меня неприязненный взгляд и кивнула головой.

– Ваша честь, в здешней камере противопожарное устройство. А я курю много и часто.

Судья скривилась как от зубной боли и махнула в сторону основных дверей.

– Вам в перерыве разрешается посетить комнату для курения, – уже совсем отстранённо подтвердила переводчица, делая большой глоток из бутылки.

В едином порыве всё сразу пришло в движение. Адвокаты синхронно двинулись на разборки с судьёй. Мой сын помялся, но пошёл туда же, стараясь неприметно держаться за спиной Тони. Я повернулся и стал искать своего бдительно бдящего *Жопца*. Тот сидел и грустно провожал голодным взглядом упругие попки уходящих студенток, явно мучаясь своим положением.

– *Губу закатай. Есть такая профессия*, – нравоучительно произнёс я в пространство, ухмыляясь, – *С поводом быть и но-но кобелить*.

Жопец горестно вздохнул, зацепил меня ненавидящим взглядом и тяжело, в раскорячку поднялся. Судя по всему, мой жизнерадостный вид добавил дополнительных страданий его спермотоксикозу.

– *Destination: the nearest smoking room (Место назначения: самая близкая курительная комната)*, – скрипучим голосом произнёс я. Похоже, всплыло из какой-то забытой компьютерной бродилки.

Уже привычно я пристроился ему в кильватер и стал старательно копировать его утиную походку. *Жопец* оглянулся, покраснел, но промолчал. Зато постарался поплотнее све-

сти ноги в районе тазобедренных суставов. Мы прошли через большой холл и остановились возле отгороженного стеклянного отсека. Он немного подумал, осматривая столпившихся там курильщиков, а потом решительно вошёл внутрь.

Эффект превзошёл самые смелые ожидания. Курильщики засуетились и быстренько стали сматываться. Любит местный народ свою полицию, аж до нервных судоворог.

Жопец, насупившись, встал у входа и постарался дышать через раз. Я присел на хлипкий стульчик и пощёлкал зажигалкой. Больше всего я люблю курить на свежем воздухе и с трудом переношу накуренные помещения. И уже, чёрт знает сколько времени, насильно наступаю на горло своим принципам.

С посвистыванием отъехала дверь, и в курилку боком втиснулся невысокий хмурый мужик, а за ним на полусогнутых просочился... Лось! Я прям подпрыгнул на стуле. Вот с кем надо бы парой тёплых слов перекинуться.

Но Лось, равнодушно скользнув по мне взглядом, всё своё внимание полностью переключил на собеседника и просто как половая тряпка жадно впитывая каждое его слово. Радует, что хоть глаза в экстазе не закатывает и слюни не пускает. Но прогибается вполне зачётно. Самое непонятное, но и *Жопец* моментально заразился этим повышенным лизоблюдством. Он вытянулся *во фронт* и стал преданно поедать глазами обоих.

Хмурый сделал несколько затяжек и силой разломал свою дорогую сигару в пепельнице. Потом медленно встал и удалился, бросив напоследок ядовитую фразу.

«Вставил пистон», – удовлетворённо подумал я, – «Знать бы кто, да и за что». Хотя за что и так понятно. Не оправдал Лось оказанного доверия высокого гражданина низенького роста.

Лось остался сидеть, бессмысленно таращась в пол. Зато *Жопец* шумно выдохнул и расслабился. Потом сделал пару шажков к Лосю и негромко заговорил. Судя по просительности в голосе и постоянном упоминании таможни, нетрудно сделать вывод, что намылился он сменить свою полицейскую рутину на таможенное поле чудес. Лось отвечал односложно и слегка брезгливо.

Я дождался паузы и громко спросил:

– *Arto, if nice talk won't work, try a little arm twisting. (Арто, если не сможешь уговорить, то надави немного).*

Лось дёрнулся и непонимающе уставился на меня.

– Я не об этом субъекте, а о своём сыне говорю, – непроизвольно кривясь, уточнил я, – С обвинением у тебя не вышло, решил на моей семье отыграться? Сына террористом объявить?

– Всё было в рамках закона, – быстро ответил Лось, – Мы обязаны были проверить все подозрительные материалы.

– *Or your framed-up charges? (Или ваши сфабрикованные обвинения?).*

Лось зыркнул на *Жопца* и сорвался с места. Дёргая заевшую дверь, он не удержался и прошипел:

– *You will be imprisoned for a long time! Promise! (Сядешь надолго! Обещаю).*

– *Suck off! (Отсосёшь).*

Дверь неохотно поддалась, и разъярённый Лось вывалился наружу. Лицо *Жопца* выражало крайнее недоумение нашей перепалкой. На нём просто плакатными буквами проступило: «И как он тут же на месте не прибил эту русскую сволочь»? Видно было, что его вера в могущество таможни резко пошатнулась. А ещё суд даже толком не начался.

Больше в курилку никто не заходил. Желающие поправить здоровье чинно усаживались мёрзнуть на улицу. Время тянулось медленно. Прошло уже 45 минут, а юристы всё продолжали за закрытыми дверями выяснять правомочность лапёрского суда. Вокруг нашего

аквариума уныло слонялись потерянные студенты. На их месте я бы уже давно слинял для более приятных дел.

В зал всех пригласили только ближе к одиннадцати. Взъерошенная судья что-то объясняла своим *кивалам*, изредка метая красноречивые взгляды в сторону прокурора. Прокурор, став ещё бледнее, лихорадочно писал что-то на полях своего обвинительного акта. Тони, с блуждающим взглядом, сидел на своём месте и постукивал пальцами по столешнице. Мой сын доставал и раскладывал перед ним всё новые порции бумаг. Адвокат таможни лихорадочно листал солидный том законов, при этом хмуро косясь на судью.

Очевидно, что ничего особо путного для меня из этого *кипеиша* не вышло. Рядом со мной присела переводчица, достала свою недопитую бутылочку с водой, а потом довольно решительно дёрнула меня за рукав. Тут я с ужасом понял, что разглядывая главных действующих лиц, словно самый распоследний лунатик, вполне внятно повторял на разные лады одно и то же, как заклинивший попугай:

– *Bloody dismissal of review and fucking denial of discharge...* (*Чёрта с два пересмотрят своё решение и хрена лысого освободят*).

Тони отвлёкся от своих мыслей, и задумчиво произнёс с длинными паузами:

– *Well... a far fetch... waiting for all of us.* (*И ждёт всех нас долгий путь*).

Утешил, называется. Я повернулся к переводчице и с обидой пожаловался:

– Кому война, а кому мать родна. Кому гонорары по часам, а кому камера... годами. И никакой лирики. *Nothing personal, just business.* (*Ничего личного, просто бизнес*).

Она неопределённо покачала головой и показала глазами на судью. Та завершила накачку своих и так безропотных *кивал*, а теперь оценивающе буравила глазами студентов. Видно оставшись довольной явным отсутствием брожения умов, взялась за бумаги и пониж наклонила к себе микрофон.

Но Тони опять сорвался с места и закатил длиннющий монолог. Перепалка возобновилась с новой силой. Зато и прокурор, и адвокат таможни сделали вид, что очень заняты своими делами.

– Что опять не так? – спросил я у переводчицы.

– Тут так просто не разобрать. Ваш адвокат опять требует немедленно прекратить дело... оно всяко не для местного суда, а для центральных органов... а судья настаивает, что решения здесь принимает только она и ей... как бы это правильно сказать... подтереться... разным бумажным мусором, который ей пытаются всучить особо пронырливые столичные адвокаты.

– Просто семейные разборки, – я гнусно захихикал, вспомнив старый анекдот про туалетную бумагу¹².

Моё изменившееся настроение не осталось незамеченным.

– Что смешного? – подозрительно спросила переводчица.

– Представил, как мой адвокат помогает ей в точности исполнить её требование. Причём постранично.

Переводчица наморщила лоб, но видно воображения не хватило, и она невозмутимо продолжила:

– Судья принимает решение начать слушания, а адвокат может подать свой протест в вышестоящие инстанции согласно правилам.

Тони успокоился и сел, успев вначале подмигнуть мне, а потом под столом показав большой палец. Но я причину радости так и не уловил. В этом долгом сотрясении воздуха совершенно не видно никакого позитива. Явно, что в юриспруденции у меня невосполнимый пробел, который не позволяет уловить такие понятные окружающим нюансы.

Судья победно посмотрела на своих студентов и начала громко читать.

- Она перечисляет все пункты обвинения, которые подготовил прокурор. Переводить?
- Нет. Уже ознакомился с этими фантазиями.

Тут судья вдруг стала наливаясь красным, и её голос стал резать по ушам.

- Что с ней?

– Он требует у прокурора дать разъяснения по пункту 12... что было вами подделано и почему не указаны конкретные пострадавшие от этого?

Прокурор явно занервничал и стал лихорадочно перебирать бумаги. Не найдя нужной, он вопросительно посмотрел на адвоката таможи, но тот сделал вид, что до сих пор страшно увлечён листанием толстого тома законов. Судья стала издавать нетерпеливые повизгивания.

Кадабрик сжался, затравленно оглянулся на студентов, потом склонил голову и что-то тихо произнёс.

– Ничего не разобрала, – с некоторым недоумением сообщила переводчица, – Кажется, прокурор снимает с вас это обвинение.

- Неужели? Может просто ждёт подсказки?

– Нет, действительно снял. Судья сообщила, что этот пункт рассматриваться вообще не будет.

Тони усмехнулся и поднял руку.

– А что делать с Вертинским? – переводчица заглянула в прокурорские обвинения, – А это кто?

– Есть такой. Следаки пытались создать видимость групповухи... э-э-э... русского преступного сообщества в Финляндии.

Вот тут судью прорвало.

– Она спрашивает, был ли проведён допрос этого... господина Вертински? Ответ: «Нет... у следователей на это не было времени». Повторный вопрос: «Тогда в чём он подозревается и почему упомянут как опасный криминальный элемент»? Прокурор не знает... он снимает и это обвинение.

– *Цирк гасит огни*, – констатировал я, отметив разочарование на лице Тони, – Не проходит *чёс нахрапом* среди доверчивых селян. – И порадовался сдержанной улыбке переводчицы.

Судья некоторое время перелистывала страницы, потом поманила пальцем сначала прокурора, а потом Тони. Адвоката таможи она видно решила не отрывать от столь углублённого изучения финских законов.

– Нас опять выгонят? – поинтересовался я у переводчицы, – Или они до вечера так и будут сдавать нормативы по успокоительной ходьбе?

Она вздохнула и сделала глоток. Я опять позавидовал и решил кое-что для себя уточнить:

- Здесь всегда так?

- Как?

- Вот так долго не могут начать суд?

- Нет. Обычно адвокат обвиняемого сидит спокойно, а суд проходит очень быстро.

- Понятно. Так это мой адвокат во всём виноват?

- Сами видите.

- Рад, что хоть здесь деньги вложил с пользой.

Совещание завершилось. Судья подождала, пока все расползутся по своим местам.

– Начинается заслушивание свидетелей. Первым вызывается таможенный инспектор, который отвечает за техническое оборудование, – переводчица взяла авторучку и положила перед собой чистый лист бумаги.

Секретарша произнесла несколько фраз в микрофон. За дверью разнеслось громкое эхо, потом послышался быстрый топот и появился розовощёкий здоровяк с папкой в руках. Он уверенно подошёл к судейской трибуне и вслед за секретаршей быстро произнёс слова клятвы, обещая суду быть исключительно честным.

Дальше начался *remake* (*римейк*) показательного выступления, так удачно апробированного в деле Устюхина.

Румяный гордо встал у трибуны, что рядом с прокурором, раскрыл папку и стал доставать фотографии. Потом покопался среди установленной там аппаратуры, что-то щёлкнул, и на противоположной стене появился белый световой прямоугольник. Секретарша выключила верхний свет.

– Вот фотография, на которой видно, как сигареты, импортированные 03.11.2008 года, были спрятаны внутри элементов, – негромко заговорила переводчица, – Их закрывали сверху и снизу тонкие металлические пластины. Под металлическими пластинами был сделан карман из полиуретана, укрепленный решеткой из толстой фанеры, которые надёжно фиксировали блоки сигарет во время их транспортировки. Запомните эту решётку! Её края потом будут чётко видны на рентгеновских снимках, как вертикальные полосы.

Идея такой перевозки не очень оригинальна, но вполне продумана. Я бы по достоинству оценил чужую смекалку, но только в том случае, если бы сейчас эту *шнягу* так нагло и упорно не вешали мне на шею.

Румяный поставил новую фотографию сэндвич-панелями, но уже без сигарет и, явно позабыв о включённом микрофоне, рубанул как бравый капрал на плацу:

– Внимательно смотрите! Это не настоящие стенные элементы! Это контейнеры для перевозки сигарет!

Эффект превзошёл все ожидания. В задних рядах послышались испуганные возгласы. Судья сморщилась, но вмешиваться не стала.

Румяный смущённо кашлянул и поменял фотографию. Теперь это была стопка панелей без упаковки. Заговорил он значительно тише:

– Устройство для перевозки контрабанды со стороны выглядело как прямоугольная полиуретановая конструкция, закрытая металлическими пластинами. Они были уложены на поддонах по 10 элементов и упакованы в полиэтилен с логотипом производителя, – тут он сделал шаг вперёд, вступил в луч света и отвесил мне театральный поклон, – Идеальная маскировка!

Я не выдержал и беззвучно похлопал ему в ладоши. Любой талант надо уважать. Даже в такой ситуации.

– Все эти грузы ничем не отличались друг от друга. Сами увидите по полоскам. После прибытия в Финляндию грузы разгружались на склад экспедитора, а после таможенной очистки... – теперь он отступил на шаг назад и сделал широкий жест в мою сторону, – ... вновь загружались в трейлеры, принадлежащие компании подозреваемого. Место назначения грузов так и не было выяснено, но, вероятнее всего, это была Великобритания. Хотя это сейчас совершенно неважно. Преступник, как вы сами видите, уже пойман!

– *Мели, Емеля...* – сквозь зубы процедил я. Вот и пошли косвенные подвязки меня к контрабасу. Как будто просто так у мужика вырвалось... а не по заранее подготовленному сценарию.

– Мы у себя, на таможенном посту в Нуйамаа делали просвечивание грузов от 01 и 14 июля прошлого года с помощью передвижной рентгеновского аппарата, – тут он перешёл на виноватый тон, – Но он у нас имеет значительно меньшую мощность, чем аппаратура в Ваалимаа, с помощью которой наши коллеги моментально обнаружили контрабандный груз.

Румяный установил обещанную картинку и озадаченно задумался. На фоне неясного скелета грузовика смутно проглядывали более тёмные кубы поддонов с сэндвич-панелями. А может и вообще не они. Тут можно, что хочешь утверждать.

– Вот груз... качество не очень хорошее. Как вы видите, в кузове стоят поддоны со строительными элементами... точнее, с контейнерами для перевозки сигарет. Но просто запомните эти вертикальные полосы. Видите? – он многозначительно помолчал, но спохватился, – Может на втором снимке всем будет лучше видно?

Он быстро поколдовал с фотографиями.

– Да, тут видно получше. Эта фотография сделана всего через две недели. Но груз действительно легче различить... но, хотя тоже не очень. Зато и здесь есть вертикальные полосы! Давайте перейдём к снимкам пойманного контрабандного груза.

– А где там сигареты? – шёпотом спросила переводчица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.